

The background of the book cover is a composite image. The top portion shows a dark blue sky with a thin white line, possibly a satellite or a light trail, and the curved horizon of the Earth. The bottom portion shows a city skyline at dusk or dawn, with buildings reflected in a body of water. The text is overlaid on a white rectangular area in the upper left.

Евгений Бочарников

Точка Невозвращения

Рассказы из черного ежедневника

Евгений Николаевич Бочарников

Точка невозвращения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24466072

Аннотация

Первый сборник рассказов молодого автора в жанре "мистическая проза".

Содержание

Поезда	5
Ещё что-то помню...	11
Сны о чём-то большем	14
Право на...	24
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Поезда

Стук колёс поезда навевал тоску. Уже два часа он пытался заснуть, ворочаясь на полке в пустом купе. Сутки в пути утомили его, но все попытки заснуть ни к чему не привели. Наполовину прочитана книжка, прослушан плеер, выкурена пачка сигарет.

Что делать дальше – он просто не знал. А до Питера было ещё далеко.

Остались только вопросы. Зачем, для чего, нет ну почему? Бросить всё, семью, друзей, родной город и поехать в Питер. Для чего? Поступать в институт, глупость: за спиной уже три курса своего родного Универса. Может, разбитое сердце, навивно; всё у него с сердцем в порядке, никто даже не пытался дотронуться до той кучки пепла, что и являлось его душой.

Непонятный зов звал его в Питер. Сначала он был почти незаметен, но в последний год он поглотил все его интересы и планы. В голове было только одно слово: Питер. И все случайности стали подводить его к этой поездке. Непонятно откуда стали появляться деньги, мать вдруг сказала, что в Питере живёт её двоюродная сестра, а одна ссылка в Интернете вывела его на сайт «Российской Академии Истории и Философии» и решение возникло внезапно – еду и поступаю.

Только вот зачем? Что за непонятная сила сорвала его с

места и изменила уже почти сложившуюся судьбу. Его судьбу.

Он не был ни по натуре, ни по духу странником или перекати-полем. Новизна импонировала ему лишь в малых дозах. Сейчас уже поздно было о чём-то спрашивать у самого себя. Всё решилось в тот момент, когда поезд тронулся с вокзала. Была, правда, дурная мысль соскочить на безлюдном полустанке и вернуться домой, но это действительно была дурная мысль.

Вначале он выходил на всех крупных стоянках, смотрел на людей, отбивался от торговцев, пускал дым сигарет в воздух чужих городов. Всё это стало туманным бессюжетным фильмом с перерывами на перегонах.

Запомнилась только одна остановка. Была ночь, и шёл проливной дождь, впервые он столкнулся с этим явлением вне стен знакомых улиц. Пустой перрон, лужи, одинокие проводницы у дверей вагонов. Сигарета намокла, и дым приобрёл незнакомый вкус. Что-то сильно кольнуло в груди, стало больно и грустно... Всё, это последняя станция в его жизни, иди куда хочешь, поезд уже не тронется, так и останется ржаветь под этим бесконечным дождем. Нет людей, только картонные фигуры, оседающие под действием воды. Опять в голове роились глупые аннотации.

Но прозвучал отрывистый гудок, и шевельнувшаяся проводница сказала:

– Садитесь, отправляемся...

Просто дождь на пустом перроне, просто плохие предчувствия, просто устал от дороги.

Хотелось душевной весны, обновления. Хотелось не бояться завтрашнего дня, знать, что и завтра всё будет без резких скачков и падений. Просто плыть в середине спокойного потока и поглядывать на небо, где его уже ждут.

Сон всё же пришёл в половине первого ночи.

***

Снятся ли сны поездам во время длинных перегонов, она не знала. А вот ей сны не снились никогда, ни дома, ни в Питере, ни даже здесь в поезде.

За окном была ночь и тёмные предгорья Урала. Половина страны промелькнула для неё за два дня, да и неинтересно ей было смотреть на чужие вокзалы, насмотрелась уже и в первый, и во второй, и в третий, и во многие другие разы. Единственное её желание было попасть домой. Усталость от столиц накапливалась уже в течение года и мешала нормально думать, разговаривать с людьми и даже учиться. И вот неделю назад она решила: всё, хватит, пора домой, к унылым домам спальных районов, к пустой квартире, где можно закрыться и никого не видеть и не слышать. Засыпать и вставать одной, редко ходить в магазин, лежать и смотреть в потолок, слушать музыку, которая действительно ей нравится. И никаких ночных клубов, хаоса, рейва, травки, колёс, вин, коньяков, водки, коктейлей, новых знакомств. И на хрен всю учебу, она в академическом отпуске – или просто сбежала.

В голове просто выключили свет.

На соседней полке сопел парень. Садил его на какой-то деревенской станции, в дым пьяного. Мать с отцом быстро купили постельное, быстро застелили, быстро уложили и ушли. А парень как упал, так и спит. Только раз пробормотал во сне что-то про Генку и собачий глаз.

Ни разу он на неё не посмотрел, ничего не сказал ей, но всё равно вносил дисбаланс в её состояние. Нервы сдали окончательно. Все люди стали для неё врагами. Очень сильно хотелось домой.

***

Рельсы содрогались под его весом, неся его голос за горизонт. Торможение, ускорение. Щекотка на стыках. Гудение проводов – тоже голос, не его, не его братьев, но очень родной. Другие машины поют свои песни для его жизни. Механика во всём – в разговорах, в молчании, в пустоте его электрического сердца.

Навстречу ему едет брат, шепчет о недолитой воде, о почтовом вагоне, прицепленном к нему, о молодом машинисте, что сейчас ведёт его. Говорит о плохом ремонте третьей колёсной пары. Жалуется.

Подбодряю его, почтовый вагон скоро отцепят, воды дольют, а машинист вырастет и всё поймёт.

Смеёмся, говорит, что пора бы на ремонт, подтянуть гайки, смазать и вообще просто отдохнуть от этих бесконечных перегонов.

***

Пустая ночная улица, засыпанная белым снегом. В конусе света придорожного фонаря стоят двое. Смотрят друг на друга.

– Кто ты? – эхом разносится по улице.

– А кто ты? – удивлённый девичий голос.

Молчат, непонимание стоит на их лицах.

– Это сон?

– Не знаю, мне раньше никогда не снились сны. А тебе снились?

– Давно, в детстве. А ты настоящая?

– Настоящая, а ты, наверное, туман, тебя нет.

– Как же меня нет, вот же я стою, и я тоже настоящий.

Стал нарастать звук стука колёс.

– Что это? Ты едешь в поезде?

– Да, а ты?

– Да.

– А куда?

– Домой.

– А я из дома...

Звук становится невыносимым. На миг они обретают невероятную четкость тел. А потом обоих разносит на белые клочья сигаретного дыма.

***

Два поезда продолжали своё движение в противоположных направлениях, унося с собой две разделённые души...

Ещё что-то помню...

– Привет, я снова здесь. Вновь стою под твоими окнами и смотрю на них. На те шелковые шторы, что скрывали нас от мира, на открытую форточку, что уносила дым сигарет, что мы с тобой курили. Я пришёл, чтобы сказать тебе: я ничего не забыл. Я помню вкус твоих губ, что ласкали меня, и мягкость рук, и смятые одеяла, и запах твоих духов, которые ты выкинула в окно, чтоб все вокруг знали, кто душитя ими.

Руки замёрзли, коробка конфет упала в тёмную лужу.

– А помнишь ту лавочку, на которой мы впервые познакомились? Я её помню. Она была исписана названиями групп, которые мы вместе прослушали, ходили на их концерты кричали их тексты на ночных улицах. Одну из них я никогда не забуду, это та самая, которая так нравилась тебе.

За домом проехала машина, донеслись звуки музыки, несущиеся из открытого окна.

– Я тогда действительно случайно зашёл в этот парк. Сел на ту лавочку. Я был слишком пьян, чтоб идти дальше. Я уже не помню повод, по которому я так много выпил, но я помню тебя. Одинокую и такую загадочную. У меня тогда действительно перехватило дыхание от этой встречи. И что было дальше, ты помнишь?

– Она ничего не помнит о тебе.

Из окна смотрел парень, совсем молодой, наверное, ещё подросток.

– Пусть так. Пусть она не помнит обо мне. Тогда спроси её, чего больше всего она так хотела в жизни? Новую гитару, новые барабаны, чтоб долбить в них назло соседям, или ещё что-то?

Шторы; они оказались совсем другие, у них был другой цвет.

– Она хотела побывать на руинах Вавилона.

– Пусть так. Значит, я всё же ошибся и кричу не в те окна и не той, что я помню. Передай своей девушке, что не стоит так поступать, как поступили со мной. Прощай.

Дорога, пустая и холодная. Всё здесь пустое и холодное. Чужое. Память, как же ты меня подводишь. Ещё один двор. Тот ли? Очень похожий. Вот они, те окна, те самые шторы.

– Привет, я снова здесь! Вновь стою под твоими окнами и вспоминаю тебя. Я купил новую гитару и барабаны. Торговец, что продал их мне, не взял денег; он попросил у меня только память, я согласился. Помнишь, как я однажды упал с твоей кровати во сне? Я потом ещё долго сидел на полу и потирал задницу. Так было больно – не так как сейчас, но всё равно больно.

Свет так и не загорелся в окне. Не тот дом, не те окна вокруг. Не то, всё не то. Но где-то рядом. Проклятый торговец забрал почти всё, что он помнил.

– Я помню тебя! Я помню нашу любовь!

Ещё один двор. Это тот самый, вон машина, что постоянно стоит там. И беседка, в которой они однажды сидели.

– Привет, я пришёл сказать тебе, что я люблю тебя! Я ведь всегда это знал, просто понял только сейчас. Помнишь, как однажды мы стояли на остановке и не могли расстаться. Шёл сильный дождь, я весь промок и ты тоже, но нам так было хорошо, что мы ничего не замечали. Тогда ещё продавали это вкусное мороженое «Ледник», почему сейчас его не продают, ты не знаешь?

Из окна смотрела женщина.

– Я помню парня, с которым мы стояли на остановке под тем дождём, но этот парень не ты, тебя я вижу первый раз, и если тебя послал тот парень, то попроси его, пусть вернётся ко мне. Я тоже всё помню.

Опять ошибся. Не тот дом. Не стоит доверять торговцам. Они всегда обманывают. Но он сказал, что она снова будет здесь, за этими шторами, и она точно будет вновь жива.

– Привет, я вновь пришёл сказать, что люблю тебя...

СНЫ О ЧЁМ-ТО БОЛЬШЕМ

Рывок, взрыв, боль.

И резкое пробуждение. Кошмар, предвестник страданий. Мысли, вложенные в мою голову чьими-то чужими руками.

Лучик утреннего солнца пробивался через щель между тяжёлыми бордовыми портьерами. Спальня была погружена в сумрак.

Чёрный шёлк постельного белья ещё больше оттенял этот странный сонный сумрак. В груди часто билось сердце, и что-то там сильно болело, словно кошмар, что испугал меня, ещё не растворился в утреннем луче, а только отступил в самый тёмный угол комнаты.

Встаю, раздвигаю шторы и смотрю на солнце. За стеклом окна – седой туман и смазанное небо, затянутое дымкой облаков.

Где я и кто я... вопросы заваливают мою пустую голову, но ответов нет.

Может, кто-то расскажет мне. Бросаю взгляд на спальню, но здесь я один. Большая кровать хранит только мой смятый след. Рядом с ней стоит тумба, и на ней лежит жёлтый пергамент.

Подхожу, читаю и узнаю, что здесь я один и весь дом в мо-

ём распоряжении. И странная подпись: «Твой старый друг».

Рядом с листком стоит чернильница и небрежно брошено перо.

И возникают новые вопросы: что за дом и кто он, мой старый друг.

И кто же всё-таки я?

Надеваю висящий рядом с дверью халат и иду смотреть, что за дом оставил мне мой «старый друг».

А за дверью – коридор, который приводит меня к широкой лестнице на первый этаж. Три двери в коридоре открывают мне только две пыльные спальни и одну большую ванную комнату.

Сполоснув заспанное лицо из массивного бронзового крана, я спускаюсь на первый этаж.

Здесь стоит широкий обеденный стол. На нём недопитый бокал красного вина и распечатанная бутылка. Тут же лежит пробка и сорванная печать с изображением орла в круге...

И опять пергамент с ровным размашистым подчерком. «Выпей, станет легче».

Пить действительно хотелось. Вино было густым и терпким. Налив ещё полбокала, я пошёл дальше.

Большая округлая прихожая. На вешалке рядом с резной дверью висят два чёрных пальто и большой старинный зонт. С зонта капает вода, кто-то попал под сильный дождь. Может быть, я, когда шёл сюда... а может, и не я...

Иду дальше. Следующая дверь приводит меня в библиоте-

ку. Комната с высоким потолком и с множеством стеллажей до него, все они заставлены книгами толстыми и не очень, в тёмных обложках с золотистыми тиснениями.

Рядом с большим окном стоит кресло и читальный столик, на котором лежит раскрытая книга.

Подхожу, смотрю и вижу искусные рисунки человеческих органов. И ровные столбики чьих-то записей непонятным мне шрифтом.

Несколько закладок в книге не открывают мне ничего нового. Тот же язык и рисунки. Беру наугад книгу со стеллажа, листаю. Теперь на рисунках изображены символы, вписанные в разные узоры.

Ставлю книгу обратно, отпиваю вина и сажусь в кресло. Довольно удобно. А за окном по-прежнему ключья тумана, из которого торчат ветви дерева. Что дальше? Кухня, подвал или что-то другое... Меланхолично пью вино, осматриваю библиотеку. Засохшие лепестки цветов рассыпаны на полу рядом с окном. След вазы на подоконнике, но самой вазы нет. И нет цветов.

Может, сходить в сад, нарвать новых, а то дом такой безжизненный и очень запущенный. Редкие следы присутствия моего старого друга, тонкие черты к портрету пустого, почти забытого дома... здесь не часто бывают гости, а может, я и есть первый гость здесь.

Встаю, иду дальше.

Пустая комната. Только один пыльный диван. Чёрная от

времени роза лежит в середине его. Большое засохшее пятно чего-то бурого рядом с ним.

Ещё одна загадка падает на дно моей пустой памяти.

А дальше стена. Всё, это крыло дома закончилось.

Беру в руки засохшую розу, отрываю один лепесток и дую на него... Он улетает и теряется от моего взгляда в тени.

Резко бросаю цветок на пол и ухожу. Здесь уже ничего не изменить.

Библиотека, прихожая, обеденная комната и кухня. Большая, с множеством шкафов и каменной печью, в которой горит огонь. Массивный деревянный стол в середине. Две тарелки с недоеденным... завтраком?.. Ужином?..

Серебряная вилка, воткнутая в надкусанный кусок жареного мяса. Подсохший хлеб на белой скатерти... Всё-таки ужина...

Вижу ещё одну дверь. Открываю её, и в дом влетает холодный утренний ветер. Несколько широких каменных ступенек, дорожка, вымощенная гладкими булыжниками и непроглядная стена тумана.

Всё же ещё очень рано. Закрываю дверь и доедаю остывший ужин.

В шкафах посуда и столовые приборы и никаких продуктов, значит, должен быть подвал. Но идти искать его пока не хочется.

Вернувшись в обеденную комнату, наливаю ещё вина и иду наверх в спальню. Почему-то очень тянет в сон и не хо-

чется даже ходить.

Прохладный шёлк постели с радостью принимает меня
вновь.

*Пустота... Чёрная космическая пустота растворяет
меня частицу за частицей. И вот когда остается последний
кусочек сознания, я просыпаюсь...*

В спальне ничего не изменилось. То же солнце светит из
окна, так же тихо.

Только вот... в стоящем воздухе комнаты чувствовался
новый аромат – пахло табаком. Не сильно, едва уловимо, но
меня этот запах подстегнул не хуже полной чашки крепкого
кофе.

На тумбе стояла прямоугольная деревянная коробка. И
снова лежал листок пергамента. Старый друг писал, что не
стал меня будить и привёз мне подарок.

Новая открытая бутылка вина и изящный бокал. Отпив
немного, я достал длинную сигару, чиркнул спичкой и вы-
пустил под потолок облако дыма.

Выглянув в окно, я удивился: была ясная солнечная по-
года, от утреннего тумана не осталось и следа. В обеденной
комнате – серая каменная пепельница, в которой лежит ещё
тлевшая сигара.

Опять он ушёл на минуту раньше, чем я проснулся.

Открываю дверь, и лучи яркого солнца ласкают моё за-

спанное лицо. Прохладный ветерок играет листьями кустов в саду. Нагретый солнцем камень дорожки радует мои босые ступни.

И запах океана.

До слуха доносится рокот прибоя. Иду по дорожке через цветущий сад, открываю калитку и вижу белый песчаный пляж.

Приятное чувство радости накрывает меня. Бегу словно в детстве, в забытом мною детстве, по песку к синей дали океана.

Волны, солнце, покой.

Тихая радость окутывает меня, и я, улыбаясь, ложусь на горячий пляж. Начинает исчезать непонятное мне чувство пустоты в груди, и невольно в голове всплывает фраза: «Время лечит».

Чья это фраза? Моя или чужая, и что же может лечить время?

Шум воды успокаивает, а яркое солнце гонит прочь все мысли. Моё тело расплавляется под его приятными лучами, и нега течёт по моим венам.

Как хорошо, только одиноко...

Далёкий звук колокола разносится над пустым кладбищем. Идёт дождь. Из размытой земли виднеется белый человеческий череп. Он смотрит на меня, и мы разговариваем.

– Что тебя гложет?

– Не знаю. Пустота в сердце...

– Трудно жить. Нам, мёртвым, легче, нам хорошо. Лежишь и смотришь в небо, скоро ты сам поймёшь...

– Но я же ещё жив!

– Надолго ли? – череп смеётся. – Жизнь – это сплошная пустота в сердце, смерть – это покой и отсутствие сердца.

– А любовь? А чувства?

– Ну и где твоя любовь? Где твои чувства? Жизнь – это ещё и одиночество. Приходи к нам, мы уже ждём тебя, мы не одиноки...

Вздрагиваю и резко открываю глаза. Опять кошмар. Солнце висит над горизонтом. Сажу на пляже, смотрю на закат.

Рядом со мной стоит раскрытый этюдник с незаконченной картиной. Вижу слово, написанное на песке: «Отдыхай».

Друг опять приходил, и он же не стал дорисовывать картину. Чёрная ленточка, привязанная за край этюдника, развивается на ветру. Белые буквы на ней гласят: «Любимому сыну от матери и отца».

Неужели подарок? Ветер срывает ленту и уносит её в море. Что-то знакомое всплывает в моей памяти. Это не вешают на подарки. Что-то такое уже было со мной. Невосполнимая потеря. И в памяти всплывают слова, написанные на такой же чёрной ленте: «Любимому отцу от детей и внуков».

Я был внуком. Семья, моя семья – все в чёрном, все очень хмурые...

Семья. Где они? Почему я здесь один? Где другие люди?
И кто же всё-таки я?

Смотрю на вечернее небо.

– Лежишь и смотришь в небо.

На кухне пахнет свежим чаем. В печи задорно сверкает огонь. Уютная теплота дома радует душу. Все страхи и томления отступают.

Брожу по дому с кружкой чая.

В комнате с засохшей розой вдруг начинаю плакать. Слезы льются сами по себе, и так тоскливо.

– Вернись. Вернись ко мне...

Шепчу засохшей розе. Но кто она? Я не знаю. И от этого ещё тоскливее.

– Глупая, глупая девчонка. Глупый, глупый я.

Встаю и иду в спальню. Сон принесёт мне покой.

Мне снится время. Дни, наполненные одиночеством, проносятся мимо меня. Эти странные дни оседают в душе чёрными кристаллами и затмевают свет чувства и любви, принося исцеление душевным ранам.

Неужели всё так глупо?

Самообман, привязанность, юношество, детство, глупость.

Неразделённая любовь. Дайте и мне испить от этого кубка.

Глупость сердца, терзающая мозг.

Последний огонёк гаснет во тьме, впереди дорога, приносящая покой.

Самое дорогое во вселенной.

И вдруг я обретаю себя. Память вновь приходит ко мне. Я снова знаю, кто я такой, где живу и чем занимаюсь.

Картинки последнего фильма скользят в моей голове.

Открываю дверь машины. Сажусь за руль, сзади гремит музыка и слышны крики пьяных друзей. Кого-то тошнит у дерева.

Усмехаюсь.

Я и сам пьян до тошноты. Рядом лежит полупустая бутылка водки. А что ещё надо? Скорость и водка. Выезжаю с дачи. Впереди лежит пустая ночная трасса.

– Опять мы с тобой одни, – говорю я сам себе и усмехаюсь своему отражению в зеркале, – один на один... Мой старый друг.

Взгляд блуждает по тёмному лесу у края дороги. Несусь на всей скорости навстречу с неведомым.

И оно тоже спешит ко мне.

И вот пройдена точка невозвращения. Мир открывает мне мистическую сторону, словно гарантию того, что встреча состоится.

И она действительно состоялась.

Неведомое принимает облик толстого бетонного столба, стоящего на краю дороги. И в самый последний момент я

понимаю, что это конец. Смерть. Умирая, я слышу, как кричит моё будущее, умирая вместе со мной.

Пустая ночная дорога. Тёмная фигура моего старого друга. Ветер играет с краями его пальто.

Встаю и иду к нему. Он поворачивается и уходит к горизонту. А мне так хочется посмотреть назад.

– Там только грязь и огонь, – говорит он мне.

И я не смотрю, хоть и чувствую запах гари.

Право на...

«Каждый полноценный гражданин
имеет право как на Жизнь, так и на Смерть»
Кодекс 2045

Районный инспектор сидел за столом и хмуро смотрел на Александра.

– Итак, – его голос был тих и задумчив, – сегодня ты, Александр, становишься полноценным гражданином нашего государства. Я смотрю на результаты твоих тестов и понимаю, что ты достоин Права, важнейшей ценности нашей страны с 2020 года.

Пальцы инспектора перебирали заламинированные листы.

– Думаю, ты знаком с нашим законодательством, в том числе и с положением о Праве, но я всё же напому тебе немного о нём...

Александр сидел за письменным столом напротив инспектора и боялся дышать. Всю жизнь он готовился к этому дню, к этим словам. Через тридцать минут он выйдет из стен Государственной Инспекции по Праву и сможет на весь мир заявить о своей полноценности.

– ...с сегодняшнего дня ты сможешь носить при себе оружие. Ты так же можешь держать в обойме три смерть-заря-

да и семь шоковых. И, самое главное, ты имеешь Право на три выстрела в голову любому гражданину с такими же возможностями. Закон разрешает сделать тебе это безнаказанно. Твой противник тоже не встанет перед законом, и всё будет решаться в дуэли. Если ты достоин жизни, то во всех трёх случаях ты выживешь, а если нет, то конец ты тоже знаешь.

Инспектор замолк и отложил в сторону листы, которые до этого не выпускал из рук. Потом он открыл стол и достал стальную коробку оружейного сейфа.

– Сейчас ты наденешь на свою правую руку браслет с Сетевым приёмником, и снимут его только с твоей мёртвой руки. Не знаю, будет ли это рука глубокого старца или же молодого юноши. Останется на браслете три огонька или ни одного – всё в твоих руках.

Александр поднялся на кафедру к инспектору. На дне стального контейнера лежали титановый браслет и чёрный пистолет с разряженной обоймой. Отдельно в стороне лежала жёлтая коробка с патронами.

Он аккуратно взял браслет и застегнул его на запястье. Раздался мягкий щелчок, ярко вспыхнула микросварка, запаивая металл. В вену вошла тонкая игла, беря пробу генетического кода. Замигали светодиоды.

Инспектор смотрел на монитор. Кивнув, он подтвердил, что браслет Александра вошёл в контакт с Сетью.

Взяв пистолет, Александр вынул и стал заряжать маслянистую обойму. К шоковым зарядам он даже не притронул-

ся, все десять патронов были боевыми.

Потом он хладнокровно навёл ствол на молчавшего инспектора и выстрелил. С кровавой массой вместо лица тот упал на пол, откинутый силой выстрела.

На его браслете давно горели красные огни. Модель браслета была старой, и потому старик продолжал жить, а не умер от мгновенной инъекции в вену.

На браслете Александра, не погас ни один диод. С сегодняшнего утра Закон не распространялся на таких, как этот старик-инспектор. Выстрелы больше не снимали за тех, кто уже потратил свое Право, теперь они тратили свои жизни.

Уже в коридоре он загнал один патрон в затвор и зарядил ещё один в обойму. На поясе в твёрдой кожаной сумочке уже лежала запасная обойма. По Закону обойма должна быть одна, но многие, а точнее, почти все, носили с собой ещё запасную, а то и не одну. Время было беспокойное, везде кипели политические страсти, скандалы, ссоры, конфликты детей с отцами. И вот сегодня, наконец, произошло то, что ждали многие: ветер свободы принёс Революцию. Все внезапно разделились на множество мелких партий, отрядов и просто стали убивать друг друга.

Высыпав остатки боевых патронов в карман, он быстрым шагом направился к выходу из здания.

Из-за угла коридора на него вдруг выскочила молодая девушка в сером броннике. Тут же оба наставили стволы друг на друга.

– Ты кто? – быстро, не спуская с его лица глаз, спросила она.

– А ты? – в ответ задал ей вопрос Александр.

– Ясно, поняла... Сегодня получил. Старик там сидит? – её взгляд метнулся по коридору.

– Уже лежит.

– Чёрт!!! Не успела!

– Ну, и долго мы так стоять будем?

– И правда, – она опустила пистолет.

– Так как тебя зовут? – опуская руку, вновь спросил Александр.

– Марина. А ты, кажется, сволочь!

– Ну, извини, даже не подумал, что кто-то ещё хочет его убить. Кстати, меня зовут Алекс.

– Знал бы ты, как он валил меня на экзаменах. Видите ли, он не может принять того, что девушкам тоже разрешили сдавать на Право. Пидор жирный! А ты Сашок, почему без бронника?

– На входе заставили снять.

– Дурак, здание пустое, в городе идёт отстрел партии анархистов и церковников. Так что беги скорее к своему броннику.

– Охота уже началась?

– Пока ещё тихо, но к вечеру, думаю, разгорится. Ладно, до встречи, может, ещё увидимся, – она повернулась и скрылась за углом.

Сейфовые ячейки у КПП были нетронуты. Вставив ключ с номером в замок, он открыл дверцу. Его бронник был чёрного цвета от фирмы «Кевлар-Про», возможно, одной из самых лучших производителей бронежилетов.

Всё остальное снаряжение лежало дома. Распахнув дверь, он вышел навстречу солнцу.

А дома был отец.

– Ну что, щенок, стал взрослым кобелём?

Его хриплый голос отдавал жёлтым сигаретным дымом. Как всегда, он держал в руке свой большой шестизарядник, на полу кухни валялись золотые патроны.

Раздался глухой щелчок.

– Опять мимо, Сашок. Чего в городе творится? Пожары, взрывы, стрельба? А то я к окну не подходил, где-то рядом снайпер...

Отец постоянно боялся неизвестного снайпера. Всё время, рассказывая про времена свой бурной молодости, он вспоминал, что этот проклятый снайпер пасёт его ещё с конца бунта молодёжи, где отец играл важную роль. Расстрелял какой-то кабинет министров по приказу Коммунистической Партии Возрождённого Ленина. С тех пор прошло много времени, отец давно был на обочине жизни, но воспалённый разум не мог принять предательства Партии и создал образ снайпера с вечным приказом убить его.

– Ладно, сын, это всё не нужные слова. Я тебе главное ска-

жу – что-то будет... Опять они там ставят свой грёбаный социальный эксперимент. Очень похоже. Похоже на тот год, когда вводили Право, меняли власть, учили людей жить по этикету. Что-то будет! Ты слышишь меня? А сын?

– Да, пап...

Во время не останавливаемого монолога отца он надевал снаряжение. Магнитные кобуру и перчатки, позволяющие не выронить пистолет даже при резких движениях, даже при потере сознания. Очень полезные вещи.

На левое ухо он надел слухофон, небольшое устройство, фильтрующее и усиливающее звуки.

– Эй, сын, опять свою электронику нацепляешь? Да не поможет она тебе! Только Зверь внутри тебя спасёт от пули, а эти твои слушалки да прилипалы не спасут! Идёшь в город убивать? Ну давай! А то завалил инспектора и мужиком себя почуял. Нет, сын, только в реальном бою, только так ты станешь хищником, охотником, воином...

Хлопнула стальная дверь, Александр покинул квартиру.

– Растёт орлёнок... – отец встал и впервые за всю свою жизнь после переворота подошёл к окну. – Совсем большим стал...

На крыше напротив окна мигнула вспышка. Пуля снайпера легко преодолела расстояние между домами, стекло и хрупкую плоть человека.

– Совсем большим стал... – из его рта текла кровь, но он был рад и за себя, и за сына.

Город был тих и пуст. Нигде пока не слышались выстрелы, и не было ни души на улицах.

Он шёл в тени домов, временами поглядывая на окна. Слухофон зафиксировал звуки шагов, и Александр тут же увидел идущего. По середине дороги шёл, громко стуча кабелями, бородатый дед, очень старый и седой дед.

И пел:

– Не боимся мы ни волка, ни сову...

Он навёл пистолет на голову деда. Но выстрел раздался с другой стороны улицы. Дед упал, пули попали в ноги. Но он продолжал петь. Тогда на дорогу вышел парень года на два постарше Александра и выстрелил деду в голову.

– Эй ты, козел!

Александр тоже вышел на дорогу.

– Смерти захотел, малец? – голос у парня всё же дрожал.

Первым делом они посмотрели друг другу на руки. У парня горело всего два диода. Он уже прошёл первое кипение крови, и его слова о Смерти могли иметь вполне логическое завершение для него.

– Я-то вот уже убил одного, а ты, малец, я погляжу, ещё девственник, может, и до двух сейчас дойдёт...

– Не дойдёт.

Они стояли и смотрели друг другу в глаза. Мгновения, вспышки в голове, нервные импульсы бегущие по телу. Сужающаяся радужка глаз, хруст напрягающихся мышц в

слухофоне... Пора!

Выстрел прозвучал мгновенно. Парню снесло половину черепа. Пустой патрон катился по асфальту.

Александр почувствовал маленькую боль на запястье. На brasлете погас один диод. Вместо зелёного теперь тлел красный.

Спустя три часа хождений по городу он, наконец, услышал звуки выстрелов.

Стреляли на привокзальной площади.

Группа из семи молодых людей в красных рубашках осаждала полицейский участок. Пригибаясь, к осаждающим подбежал ещё один с двумя спортивными сумками. Тут же среди них раздались радостные крики. Из сумок достали бутылки и стали кидать в здание. Вспыхнул огонь.

В ответ полицейские стали кидать гранаты. Их взрывы разворотили асфальт и подожгли перевернутый автобус, которые нападавшие использовали как укрытие.

Делать здесь было нечего. Обойдя стороной место конфликта анархистов с властью, он направился в сторону центра.

Но истерика уже охватила многих. Грабили магазины, убивали, жгли. Где-то кричали, и уже стреляли во всем городе.

И тут он услышал знакомый голос. Из открытого подъезда доносился голос Марины.

– Нет! Не надо! Ребята, не надо!

Картина была довольно ожидаемая. Двое парней в чёрных рубашках с белыми крестами на плечах стояли и, направив пистолеты на Марину, собирались её убить.

Александр не стал ждать и мгновенно выстрелил дважды.

– Вставай, пойдём.

– Это ты... – сквозь слёзы она смотрела на него, – ты, ты, наверное, ничего не знаешь...

– Где твоё оружие?

– У него.

Её пистолет валялся в луже крови рядом с одним из церковников.

– Бери и пошли.

– Ты ничего не знаешь! Закон больше не действует! Анархисты выпустили в Сеть вирус, он начал действовать с полудня, больше не снимают выстрелы. Больше нет ограничений, браслет не сработает при окончании Права. Ты не умрёшь!

И действительно, на браслете по-прежнему горели два зелёных огонька.

– Но как?!

– В столице произошло крупное столкновение анархистов с церковниками, потери с обеих сторон были невероятные, и тогда анархисты выпустили свой козырь. Потом они уничтожили ячейку церковников, но наткнулись на войска. Уже нет главных вдохновителей обеих партий, но вирус продолжает действовать, никто не знает какой у него срок до само-

уничтожения. Нам дали свободу, а мы стали убивать...

Ночь была слишком длинной. В городе был хаос, на улицах правила смерть. Всюду горели дома и машины. Он убивал всех, кто попадался им на пути, их тоже пытались убить. Марину ранило в плечо, у него болела вся грудь от пяти попаданий в бронежилет. Патроны были на исходе.

Они спрятались за мусорными баками в каком-то дворе. Кто-то стрелял в них из окна шестого этажа. Но пока не мог до них дотянуться.

Марина уже два раза теряла сознание. Это была ловушка.
– Эй, там, за мусоркой! Пить будете?

Не дождавшись ответа, говоривший кинул им пластиковую бутылку. В ней действительно была вода. Пить хотелось ужасно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.